

ВРАДЫ ЗЕЛЕНОВИЧ

Опознанный
летающий
объект
ИЛИ
ДВОЮРОДНЫЕ
БРАТЯ
ПО
РАЗУМУ

Вадим Зеликовский

**Опознанный летающий объект,
или Двоюродные братья по разуму**

«Автор»

Зеликовский В. В.

Опознанный летающий объект, или Двоюродные братья по разуму
/ В. В. Зеликовский — «Автор»,

«Лисс, как всегда, ворчал, колдуя у пульта. Урх, развалившись в кресле, заправлялся перед стартом. Словом, каждый был занят своим любимым делом. – Гранулент, виброслой, транзитный период – с ума сойти! Летали себе спокойно со скоростью света, нет, – мало им! Придумали на нашу голову нуль-переход ... – Лисс замкнул накопитель энергии на себя и подключил Урха к системе. И тут же ощутил волны удовольствия. Что-что, а заправляться Урх умел основательно. В первое мгновение Лисс даже поддался и загудел от удовольствия. Индикаторы замигали, и система начала зашкаливать. Корабль вильнул в сторону. Лисс зааккумулировал часть энергии, и равновесие постепенно восстановилось...»

© Зеликовский В. В.

© Автор

Содержание

Глава 1. Обитаемая планета	5
Глава 2. Секрет гениальности	7
Глава 3. У истоков события	11
Глава 4. Проблема контакта	13
Глава 5. Тезка	15
Глава 6. Единственная возможность	17
Глава 7. Утечка	19
Глава 8. Точка отсчета	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вадим Зеликовский

Опознанный летающий объект, или Двоюродные братья по разуму

Глава 1. Обитаемая планета

*Первое условие Контакта – наличие на подследственной планете
Разума.
Учебник по контактологии*

Лисс, как всегда, ворчал, колдуя у пульта. Урх, развалившись в кресле, заправлялся перед стартом. Словом, каждый был занят своим любимым делом.

– Гранулент, виброслой, транзитный период – с ума сойти! Летали себе спокойно со скоростью света, нет, – мало им! Придумали на нашу голову нуль-переход... – Лисс замкнул накопитель энергии на себя и подключил Урха к системе.

И тут же ощутил волны довольства. Что-что, а заправляться Урх умел основательно. В первое мгновение Лисс даже поддался и загудел от удовольствия.

Индикаторы замигали, и система начала зашкаливать. Корабль вильнул в сторону. Лисс зааккумулировал часть энергии, и равновесие постепенно восстановилось, но еще долго в каждой клеточке тела Лисса журчало, причмокивая:

«Заправка, заправка
меню и добавка:
два вирга, три эла
– услада для тела!»

Припев любимой песенки Урха.

Лисс раздраженно ввел конечности в виброконтакты.

– Нульпереход... – вновь заворчал он. – У меня всегда такое ощущение, что я размазан по пространству, как эл по виргу. И в то время, когда мои конечности еще дома, шупнами я уже застрял в соседней Галактике... Есть от чего сойти с ума. Нет, это не для меня...

Урх, покончив с заправкой, решил вмешаться. Сняв блокирующую защиту со своих контактных восприятий, он заворковал:

– Это я слышу каждый раз перед переходом. Впрочем, после перехода я слышу то же самое. И как вам с таким отрицательным потенциалом удастся столько периодов просачиваться через контрольную комиссию Галактического центра, да еще считаться лучшим пилотом-исследователем системы?

– Действительно, – огрызнулся Лисс, – нужно быть семи шупнов во лбу, чтобы вообще летать, имея такого штурмана.

Урх самодовольно хохотнул, да так вкусно, что у Лисса невольно защекотало в горле, и смех волной пробежал по рецепторам.

– Порядок! – удовлетворенно произнес Урх и плавно ввел в виброконтакты левую конечность. – Вношу поправки! – отщелкал он. – Точка вхождения и предполагаемый выход...

Перед Лиссом возникла схема, как всегда четкая и простая, ну и конечно же предельно экономичная, как все, что рассчитывал Урх.

– Принято! – отстучал он. – Даю отсчет...

Корабль пошел на второй виток.

– Старт! – предупредил Лисс.

На мгновение показалось, что пространство вспыхнуло и раскололось, потом медленно, как бы нехотя, захлопнулось и стало вытягиваться вдоль их тел, окуная все вокруг в непроблемную темноту нуль-коридора.

Момент скачка, как всегда, выпал из сознания, и лишь щемящий зуд в рецепторах напоминал о том, что за бортом остались несколько парсеков Великого Космоса. С чмокающим звуком, как пробка из бутылки, корабль выскочил из подпространства и застыл посреди чужой Солнечной системы. На обзорных экранах вспыхивали и мерцали неизвестные звезды подследственной Галактики.

Лисс машинально проделал все манипуляции по вживанию, после чего закрыл пробой нулькоридора. К этому времени начала поступать информация от Урха, который, не тратя времени даром, уже приступил к исследованиям.

Схемы и колонки цифр возникали перед Лиссом с такой быстротой, что он еле успевал перерабатывать данные и вносить их в Магнитную Память. Что и говорить, Урх был первоклассным специалистом.

– Не части! – осадил его Лисс. – Вечно ты спешишь дорваться до контакта.

– А разве не в этом суть нашего существования и данного присутствия? – не замедляя темпа работы, отпарировал Урх.

– Слава Великому Навигатору, это зависит не от одного тебя! – проворчал Лисс. – Дубли! – приказал он, стирая последнюю возникшую схему и колонки цифр под нею. – Разверни по касательной.

Расширенный анализ, панорамный обзор, переход на секторное наблюдение...

Урх прошелся по гнездам микронной настройки и выделил объект из общего ряда. Он тут же появился на экранах визуального обзора, медленно вращаясь в голубой дымке окружающей его атмосферы, химический состав которой тут же возник на соседнем экране.

Лисс тоже включился в центральный анализатор, прогоняя по несколько раз всю поступающую информацию во всех плоскостях, намеренно оттягивая момент окончательного решения.

– Ну же! – в нетерпении отщелкал Урх. – Не тяни перша за хвост!

– Спешка нужна при ловле ченок! – мудростью на мудрость ответил Лисс, в седьмой раз пропуская данные по анализаторному кольцу.

Наконец, он завел контакт выхода, замкнув всю информацию на себя. Урх от нетерпения подпрыгивал, как рамс на сковородке. Он даже, нарушив субординацию, попробовал подключиться в подсознание Лисса, но тот его безжалостно одернул.

Урх сник и как побитый перш забился в угол кресла, обиженно тыкаясь в глухую блокировку.

Лисс тем временем еще раз проверил конечный результат. Ошибки быть не могло, он снял защиту.

– Она обитаема! – радостно завопил Урх и тут же выдал наиболее приемлемую траекторию посадки.

Глава 2. Секрет гениальности

Гениальность – наивысшая степень проявления творческих сил человека.

Советский энциклопедический словарь

Вот уже третью неделю Юрка Соколов вставал с петухами. Точнее, с петухом по имени Бульон. Несмотря на свое французское имя, Бульон был чистокровным хохлом, причем из самой глубинки и, попав в столицу, не утратил ни одной из своих провинциальных привычек. Более того, вознесшись на просторную лоджию шестнадцатого этажа, то есть метров на пятьдесят ближе к солнцу, петух побил все свои бывшие деревенские рекорды и начинал истерически кричать на шесть минут пятьдесят две и шестьдесят восемь сотых секунды раньше, чем до приезда в Москву.

И вообще, Бульон характер имел прескверный, главной чертой которого была редкая способность создавать конфликтную ситуацию на абсолютно голом месте.

Юрка это понял сразу, как только увидел его на перроне Киевского вокзала.

А было это так...

Едва фирменный поезд

«Черноморец» втянулся под стеклянные своды вокзала, и проводник 13 вагона, откинув ступеньку, принялся протирать поручни, как на его форменном плече возник огромный рыжий петух и, заорав дурным голосом, клюнул беднягу в мощную шею. Схватившись за поручни, проводник грузно осел на вагонную площадку, закупорив наглухо выход.

Петух же, мягко соскочив на перрон, важно двинулся вдоль состава. Тут ошалевший проводник опомнился и сиплым от негодования голосом провещал:

– Бабка, я знову, останий раз говорю: «Зариж ты цього прыдурка!»

В ответ откуда-то из глубины вагона загремел густой бас:

– Та це ж бульон ходячий, а не птыця. Його риж, не риж, а все одно покою нэ будэ – така питвора врэднюча!

Услыхав бас, петух взвыл, и Юрка был готов поклясться, что в этой заливистой ответной речи он самым нелестным образом отозвался о роде человеческом в целом и о присутствующих в частности. Особенно рыжий нахал упирал на личность проводника и делал это так недвусмысленно, что тот при всей толстокожести сразу это понял и смертельно обиделся.

– Грамадяне! – заорал он. – Будьте свидками, не могу я цього терпиты вид птыци! – и с неожиданной для самого себя прытью тучный проводник вывалился на перрон и всем телом кинулся на окаянного петуха.

Но, очевидно, превращение в цыпленка-табака не входило в ближайшие планы Бульона и он, покинув грешную землю, вознесся к стеклянному куполу вокзала. Надо заметить, что для домашней птицы летал он неожиданно хорошо, что впоследствии на своей шкуре извели дворовые коты, дикие голуби и даже шустрые, нахальные воробьи. Полетав над путями, петух опустился на крышу киоска

«Пиво-воды» и оттуда, в полной безопасности, продолжал поносить багрового, как печка, служителя путей сообщения.

Публика, повалившая из вагонов, окружила место действия плотным кольцом, так что Юрка с родителями, оказавшись в эпицентре скандала, прозевали главное событие, ради которого собственно и пришли на вокзал.

На площадке тринадцатого вагона, неся на плече неправдоподобно большой кованый сундук, появилась худенькая старушка ростом от силы метр двадцать и громко сказала басом:

– Навищо птыцю на дах загналы, ну як малэньки прямо дило! Пивня у сэбэ в городи николы нэ бачилы?

И тут Юрка как-то сразу понял, что это и есть бабка Мотря, а петух и сундук – ее движимое и недвижимое имущество, с которым ему жить бок о бок целых два года. А когда понял, то подумал, что все это неспроста и просто так не кончится.

Бабка Мотря была Великой Легендой семьи Карташевых. Впервые появилась она в доме Юркиного прапрадеда, присяжного поверенного Николая Николаевича Карташева, еще перед первой мировой войной, в тринадцатом году. Собственно, тринадцатому году оставались считанные минуты, когда в карташевской квартире раздался залиvistый трезвон. Кто-то методично вращал вертушку звонка, добросовестно выполняя призыв на нем:

«Прошу крутить».

Встревоженные гости, вслед за хозяевами, выбежали в прихожую, держа наполненные шампанским бокалы перед собой. Да так и застыли: в открытую настежь дверь втиснулось нечто закутанное с ног до головы, «ростом с мою ногу», как впоследствии рассказывал Николай Николаевич, с огромным кованым сундуком на плече.

– Карташевы туточки жывуть? – спросило Нечто басом и, не дожидаясь ответа, добавило: – Так я до вас. Возьмите сундука, дядько, будь ласка.

Растерянный присяжный прапрадед, между прочим, человек недюжинной силы, двумя руками принял сундук от пришельца, но тут же, охнув, уронил его на пол.

Паркет в прихожей содрогнулся, как от землетрясения, а внизу в квартире инженера Кукова что-то рухнуло со звоном...

И сразу же, вслед за этим, в гостиной празднично зазвонили часы, а затем отсалютовали Новому году честь по чести двенадцать раз...

Тут-то наконец гости опомнились и зазвякали золотистыми бокалами над наглухо замотанной головой.

И наступил год четырнадцатый...

Не успели гости выпить за его появление, как в белой ночной сорочке, обшитой голландским кружевом, в прихожую вошел Митенька, семилетний Юркин прадед, будущий академик Карташев Дмитрий Николаевич. Заспанными глазами он оглядел присутствующих и голосом, похожим на сыр со слезой заканючил:

– Уже Новый год!? А меня почему не разбудили?! Хочу подарок! Хочу лошадь!

– И увидав сундук:

– А это что? Хочу! Хочу! Хочу!

И не успел никто ему ответить, как Нечто пробасило:

– Шо ж воно такэ? Дытына у такый час нэ спыць. А ну гэць до лижка!

И капризный, избалованный Митенька, гроза бонн и гувернанток, не возразив ни слова, послушно удалился.

Вот тут-то испуг завладел всеми окончательно.

Гости и хозяйева застыли, как в немой сцене из «Ревизора», и лишь архитектор Ханонкин икал тихо и регулярно.

Пришелец же, как ни в чем ни бывало, снял варежки и пошел разматывать бесконечный платок серой домашней шерсти. По мере отслаивания, Нечто утрачивало свою квадратную форму, приобретая вид чего-то осмысленного. В окончательном варианте оно оказалось девчонкой в сером бесформенном платье, в огромных мужских ботинках и с тонкой косицей, завернутой кукишем на затылке.

Это и была шестнадцатилетняя бабка Мотря.

Надо ли говорить, что она воспитала три поколения Карташевых. И вот теперь настала очередь Юрки.

Месяц назад капитан первого ранга Александр Юрьевич Соколов, вернувшись из плавания, заглянул в дневник сына и затосковал. Он перевел взгляд на жену, Ирину Вячеславовну, тяжело вздохнул и сказал:

– Зови!

– Саша, ради Бога! – взмолилась Ирина Вячеславовна.

– Не впадай в крайности! Нельзя все вопросы решать ремнем.

– Какой ремень? – Соколов-старший вздохнул еще продолжительнее.

– У меня и ремня-то нет... А не мешало бы! Совсем от рук отбился...

– От каких рук? – горько спросила Ирина Вячеславовна. – От твоих или от моих? Много он эти руки видит?!

Капитан посмотрел на свои большие ладони, а затем на тонкие нервные пальцы жены.

– Да. Что и говорить, – подтвердил он, – у нас руки связаны. А у учителей на всех рук не хватает. Провели свой урок – и с рук долой. Вот ему все с рук и сходит. Сам он себя в руки взять не может. Может фортепьяно ему купить, все-таки хоть немного руки будут заняты... или в кружок «Умелые руки» записать...

От расстройства Соколова-старшего буквально заклинило на «руках»...

– Ты, может, все же поговоришь с ним, Сашенька, – нерешительно предложила Ирина Вячеславовна, – по душам, как мужчина с женщиной? Только руки в ход не пускай... – добавила она.

Судя по последней фразе, Юркина мама была расстроена не меньше мужа.

Для разговора по душам Юрку позвали из соседней комнаты, где он томился, переполняясь мрачными предчувствиями.

Мужской разговор Соколов-старший начал с наглядных примеров.

– Прадед твой, – капитан указал на портрет в тяжелой багетной раме, – академик, дед – знаменитый полярник, – палец отца ткнул в большую фотографию, снятую, очевидно, с вертолета: Вячеслав Дмитриевич Карташев, мужественно глядя вверх, стоял один посреди небольшой льдины, дрейфующей к полюсу, – мать... – Александр Юрьевич поискал глазами фотографию жены, но наткнулся на оригинал, который переживал тут же, и указал на него, – да, мать, чего там скромничать, – известный хирург, к ней из-за границы люди едут, о себе я уже молчу... – капитан сделал паузу, достаточную, чтобы сын понял, что капитан первого ранга – это тоже кое-что значит...

Юрка это знал давно, так что пауза у него ушла на то, чтобы понять, что отец скажет дальше.

И Соколов-старший это и сказал.

– А ты?! – гневно спросил он и с негодованием оглядел сына.

– Тебе одиннадцать лет, а что ты уже сделал в своей жизни?

– Да! Что? – поддержала мужа Ирина Вячеславовна.

И она имела право задать этот вопрос, ведь она была урожденная Карташева и в одиннадцать лет сделала свою первую операцию, удалив шестнадцатилетнему Сашке Соколову кусок стекла, который он загнал в ногу, гоняя в футбол на пустыре.

Ребята в ужасе глядели на густую алую кровь, стекавшую по пыльной ступне капитана, и не заметили, как к серому от боли Сашке протиснулась Ирка Карташева из семнадцатой квартиры. Срывающимся голосом она потребовала нож. Пока ребята шарили по карманам, она сорвала с головы белый бант и накрепко перетянула им Сашкину ногу выше ступни. Потом достала из сумочки флакончик духов

«Красная Москва» и, вытерев кровь своим носовым платком, вылила его содержимое на рану. Сашка скрипнул зубами, но не проронил ни звука. Твердой рукой Ирка сделала надрез...

– Даже шрам почти не заметен! – при случае с гордостью замечал Александр Юрьевич, демонстрируя желающим ступню.

Юрка знал эту историю наизусть, поэтому крыть ему было нечем – за свои одиннадцать лет он ничего подобного не совершил.

– Что же с тобой делать? – задал роковой вопрос Соколов-старший, подводя итог мужскому разговору, который по его мнению должен был быть хоть и по душам, но краток и суров.

Юрка молчал.

Отец с матерью обменялись взглядами... И тут же, как по команде, перевели их на противоположную стену – одна и та же мысль овладела ими одновременно...

– Да, другого выхода нет! – произнесла приговор Ирина Вячеславовна и сняла со стены старинную фотографию, с которой исподлобья глядели два уверенных пронизывающих глаза и тощая косица торчала на затылке кукишем.

Диагноз был ясен и прост: чтобы из Юрки хоть что-то получилось, нужна была бабка Мотря.

Влияние ее на младшее поколение Карташевых, до сих пор не изученное и никак не классифицированное, тем не менее несомненно и в высшей степени загадочно. У несовершеннолетних Карташевых, у всех без исключения, при контакте с бабкой наблюдались острые вспышки гениальности. Это было как наследственная болезнь. Правда, в какой именно форме она проявится, предсказать было невозможно. Так, например, двоюродный брат Дмитрия Николаевича, Коленька Карташев, погостив как-то две недели у дяди, впоследствии стал непобедимым преферансистом, а кроме того, зам. министра внешней торговли. Так что реакция пока была неуправляемая.

Семилетний Митенька Карташев за неделю выучил физику в объеме гимназического курса по учебнику Краевича, Бог знает где раздобытого все той же бабкой Мотрей. Это было тем более удивительно, что сама бабка закончила лишь четыре класса церковно-приходской школы, правда, надо отдать ей должное, с отличием.

Славик Карташев начал купаться в проруби с пяти лет.

Об Ирине Вячеславовне уже было сказано...

– Она возьмет его в руки! – радостно подвел итог Соколов-старший.

Юрка был обречен.

Глава 3. У истоков события

Люблю грозу в начале мая...

Тютчев

И грянул гром.

Вместе с бабкой Мотрей в столицу ворвалась гроза. Май раскололся, сверкая вспышками молний. Воробьиные ночи следовали одна за другой. Ежедневно метеорологи твердили, что такого мая старожилы не припомнят с 1783 года, когда Москва горела трижды. Через неделю москвичи перестали удивляться, разве что некоторое любопытство вызывал тот факт, где это синоптики раздобыли старожиллов, помнящих пожары 1783 года?

Но скоро интерес и к этому приутих. На исходе третьей недели к грозам окончательно привыкли, как будто они не переставая гремели со времен Юрия Долгорукого.

Но, несмотря на непроглядную тьму, застилающую небо круглые сутки, Бульон орал регулярно. Юрка вскакивал и больше уже уснуть не мог. Но странно: как бы рано он не вставал, бабка была уже на ногах, как будто и вовсе не ложилась.

И еще разные странности заметил Юрка, у которого от регулярного недосыпания обострились все чувства. Например, он ни разу не видел, чтобы бабка ела. И еще... Впервые зайдя в квартиру и оглядевшись, бабка тут же заговорила чистым русским языком. От ее украинской напевной скороговорки не осталось даже акцента. И где бы не находился с тех пор Юрка, он чувствовал на себе пронизывающий взгляд глубоко сидящих черных глазок.

Одним словом, жизнь стала невыносимой. А тут еще грозы, загнавшие его на все свободное от школы время в опостылевшую квартиру, где царила легендарная бабка со своим свихнувшимся пернатым оккупантом.

Юрка не вылезал из своей комнаты и то и дело зло бормотал сквозь зубы:

«У Пушкина Арина Родионовна, у Карташевых – бабка Мотря!» – и эта фраза окончательно выводила его из равновесия.

Есть от чего испортиться характеру. И жизнерадостный Юрка за какие-то три недели превратился в мизантропа и брюзгу. Он то и дело вещал и пророчил.

– Неспроста все это! – загадочно закончил он свой рассказ, в котором были свалены в одну кучу и гроза, и легенды, и нахал петух, и вся его теперешняя несчастная жизнь.

Валерка Ерохин, сосед по парте, живущий в том же парадном двумя этажами ниже, и, естественно, закадычный друг, слушал эту захлебывающуюся фантазмагорию, раскрыв рот. И было от чего: с одной стороны за Юркой Соколовым не наблюдалась страсть к розыгрышам, а с другой, что-то с ним последнее время творилось странное, и, наконец, бабка-то в самом деле приехала, он же своими глазами видел, как она несла сундук по лестнице... На шестнадцатый этаж! И теперь по десять раз на дню вниз-вверх бежит пешком. И как бежит! Никакой лифт ее догнать не может.

– Слушай, Юрка, – нерешительно начал он, – а может и вправду бабка как-то влияет? Какие-нибудь лучи... сам же говоришь, что гроза это неспроста... А? – Валерка оживился.

Вспыхнувшая в этот момент молния, казалось, сверкнула прямо у него в мозгу, и при ее свете Валерка ясно понял все. Разрозненные до сих пор сведения выстроились в единую четкую систему. В самый раз заорать:

«Эврика!». Впрочем, он так и сделал.

– Эврика! – гаркнул он.

– Чего орешь? – мрачно спросил Юрка.

– Это она энергию аккумулирует, чтобы потом на тебя воздействовать! – захлебываясь восторгом от собственной догадливости сообщил Валерка.

– С ума сошел! – перепуганно прошептал Юрка в ответ.

– Как это, воздействовать?

Он исследовал состояние своей головы сначала наощупь, а потом уже изнутри, но никаких особых перемен не обнаружил.

– Ничего не изменилось! – с облегчением сказал он.

– Ну сам ты об этом судить не можешь. Тут нужен взгляд со стороны! – авторитетно заявил Валерка.

– Вот и посмотри на меня со стороны! – взмолился Юрка.

– С какой? – деловито поинтересовался Ерохин.

– С какой, с какой... – рассердился Юрка. – Со своей, конечно!

– А... – Валерка тут же стал пристально разглядывать друга, но как ни старался, ничего для себя нового не заметил.

– Ладно, хватит! – остановил его Юрка. – Дырку проглядишь! Ну как?

– А может еще не время? – неуверенно сказал Валерка.

– Сам же говоришь, что тут что-то нечисто...

– Нечисто, нечисто... – проворчал Юрка и обреченно пошел к себе, как на казнь.

...Двадцать второго мая Юрка проснулся раньше, чем заорал Бульон. Что-то сверкнуло за окном, а затем и гроыхнуло. Юрка подумал, что это молния и решил спать дальше, но в ту же секунду первый луч солнца прорезал абсолютно ясное небо и прокричал петух.

Это было первое солнечное утро за три недели.

Юрка натянул спортивный костюм и на цыпочках прокрался в прихожую. Схватив кроссовки под мышку, он выскочил на лестничную клетку и ринулся вниз. Пулей пролетев два пролета, он нос к носу столкнулся с заспанным Ерохиным.

– Ты чего встал? – спросил Юрка.

– Не знаю. А который час? – Валерка поежился.

– Пятый... – наобум сказал Юрка.

– Фантастика... Думал опять гроза, сверкнуло что-то... А тебя опять петух поднял?

– Нет. Он уже потом закричал...

– Ну? Неужели опоздал?

– Так... – Юрка стукнул зубами. – Началось!

– Что «началось»? – испуганным шепотом спросил Валерка.

– Еще не знаю, но чувствую! – Юркины глаза сверкнули.

– Пошли!

И тут Валерка понял, что и в самом деле «началось».

Когда друзья выскочили из парадного, ничего особенного, кроме встающего солнца, они не увидели. Оно вставало в просвете между домами, освещая небольшую группу людей, бегущих трусцой. Когда бегуны приблизились, Валерка и Юрка влились в их бодрый поток и какое-то время трусили вместе со всеми.

Но так как бегать от инфаркта им было еще рано и неинтересно, то вскоре они, сделав спринтерский рывок, далеко оторвались от основной группы и первым добежали до пруда.

Юрке, бегущему впереди, под ноги попала какая-то банка, и он в полном расстройстве пнул ее. Банка взвилась вверх и, описав плавный полукруг, опустилась в нескольких шагах от Валерки. Ерохин рванулся к ней и, заорав:

«Держи!» – отфутболил ее назад. Банка легла Юрке прямо под правую ногу.

– Пас!

– Валерка понесся вперед.

Юрка ударил изо всех сил...

Глава 4. Проблема контакта

*Высшим Смыслом любого действия Контактора является
Конечный Контакт
Первая заповедь санкора Контактора*

Момент слияния с планетой Лисс не ощутил. По привычке сосредоточив все внимание на пульте, он лишь по линиям последней возникшей на экране схемы понял, что это уже произошло.

Тормозной выброс был в пределах допустимого, но предполагаемый частичный отрыв был на пределе нейтронного равновесия. Увидев это, Урх тут же ввел в расчеты резервный модуль. Исходя из полученного результата, Лисс прошелся шупнами по пульту, стабилизируя субстанцию корабля. Не обращая внимания на нетерпение штурмана, он еще долго не включал экраны визуального обзора, проводя курс ускоренной адаптации, учитывая зональные факторы, просчитанные Урхом.

Поначалу у него не все ладилось, и он заставил Урха еще раз пересчитать коэффициент мимикрии в условиях слоистого взаимопроникновения и потенциальной разности структур. Урх скрупулезно проверил каждую производную и уточнил коэффициент до восьмой цифры, но и этот результат не удовлетворил Лисса.

И лишь после третьего уточнения им удалось достичь стабильной совместимости. Затем дотошный Лисс осторожно приоткрыл контактный простенок и, убедившись в его дискретной устойчивости, приступил к окончательной фазовой фиксации.

Наконец вспыхнули экраны визуального обзора, и новый мир хлынул внутрь корабля, на мгновение нарушив контроль. Необычные звуки и запахи вибрировали в каждой клеточке, вызывая необычные реакции, сметая психологические барьеры.

Урх первым делом врубил накопитель и приступил к заправке. На сей раз дело пошло необычайно быстро, атмосфера была полна такой дивной, ароматной энергией, что не прошло и пяти минут, как Урх зажурчал от удовольствия. Чувство насыщенности каким-то неуловимым образом вдруг начало перерастать в бесконтрольную эйфорию, которая просачивалась в рецепторы и бродила там, обостряя восприятие, покалывая тело тысячами крохотных газированных иголок, множилась, приобретая новые формы и, пронесаясь по кругу, набирала все новую силу.

Даже Лисс, собрав всю свою волю, не мог бороться с бескрайним восторгом, достигшим небывалых размеров, приемлемая масса которых стала перехлестывать через край первоначального объема, и космонавты почувствовали как медленно начинают терять заданную форму.

Они с трудом навели блок на подсознательный клапан и провели субъективный отбор, установив устойчивый сброс информации. После чего Лисс, переведя дух, накинудся на Урха.

– А все из-за тебя. Летишь, как голый в джаспер.

– Я что, нарочно? – оправдывался Урх.

– В чужой кастараль со своим санкором не лезь...

– Санкором, санкором... – недовольно зажурчал Лисс.

– Санкор предписывает спектральный контакт только в исключительных случаях, а мы в него лезем постоянно. Если бы об этом узнали в Галактическом центре, тебе бы такой джаспер устроили, что не видать тебе нулькоридора, как своих актанов.

– Подумаешь, – фыркнул Урх, – какой барторас из касторалья нашелся! Сам же всегда настаиваешь на активном поиске.

– Да... – Лисс смутился. – Но при условии тщательного векторного анализа! – тут же нашелся он.

– Ладно! – согласился Урх.

– На этом Галактическом Чуде, где заправка так сладостна и упоительна, я готов даже на три анализа в любой разомкнутой структурной системе.

На этот раз, прежде чем покинуть корабль, Лисс настоял на скрупулезных выполнениях всех пунктов, предписанных комиссией по контактам. Горя от нетерпения, Урх безропотно подчинился и только глухо журчал при каждой новой формальности.

И вот они ступили, наконец, на твердый грунт. Перед ними расстиралось обилие жидкого вещества, которое находилось в легком, прозрачном движении и журчанием напоминало Урха.

Было тихо и хорошо. Первые потоки энергии уже начали поступать в запасники корабля. Все вокруг осветилось и засверкало. Это было так неожиданно и красиво, что Урх, а вслед за ним и Лисс, забыв обо всех инструкциях, двинулись к жидкому веществу, которое в первых лучах света стало переливаться всеми цветами спектра и даже зажурчало в другом, ласковом ритме.

В этот момент они почувствовали неподалеку живое существо. Повинуясь автоматической привычке, выработанной годами работы в открытом Космосе, Лисс и Урх машинально выполнили все предписания Галактической комиссии по контактам и застыли в позе Первого Приветства.

До их актанов донесся тяжелый грохот и перед ними возникли два вертикальных столба, заканчивающиеся горизонтальными площадками, скругленными спереди и сзади. Один из столбов качнулся назад и вдруг со всей силы ударил по кораблю. Корабль взмыл в воздух.

Урх и Лисс в первый момент окостенели от неожиданности, а когда опомнились – корабль был уже далеко.

Глава 5. Тезка

Солнце, казалось, решило компенсировать недоданное за три недели и, несмотря на ранний час, палило на совесть. От воды поднимался светлый душистый пар.

Ребята, футболя банку, быстро оббежали вокруг пруда и припустили к дому.

Еще издали они увидели, как двери шестого парадного со стуком распахнулись, и утро приняло в свои объятия еще двоих аборигенов.

Двор дрогнул.

Несмотря на свою малочисленность, эти двое производили такое количество шума, как будто во двор ворвалась татарская Орда в полном составе.

Дом зашевелился. Из многих окон донеслись хриплые звуки. Это особенно нервные кричали во сне. Более уравновешанные молча вздрагивали под одеялами. Но что странно – никто не возмущался, во всяком случае, вслух. Не было сил. Зло было неизбежно. Бороться с ним – все равно, что пытаться заткнуть пальцем вулкан, который уже начал извергаться...

Местный Везувий клокотал на разные голоса. Тон, как всегда, задавал тринадцатилетний сын начальницы ДЭЗа Тамары Павловны Оксиной

– Генка, по прозвищу

«Саксофон». Он высоко подпрыгивал, выбрасывая вперед правую ногу и обе руки, и при этом голосом разъяренного японского монаха орал:

– Я-а! – и – Кан-фу!

Его спутник выл и лаял, несмотря на то, что был зайцем. Им добросовестно, на полную громкость японского стереомагнитофона, подпевала рок-группа

«Европа».

В общем, получалось, как говорил сам Генка, «не слабо».

Валерка и Юрка с опаской приблизились к эпицентру извержения.

«Саксофон», не обращая на них никакого внимания, продолжал бодать воздух, издавая победные крики. Зато заяц свирепо зарычал.

Вообще в его повадках было столько собачьего, что посторонние, увидев его впервые, долго гадали: то ли это заяц, то ли все же собака редкой породы. Тем не менее это был чистокровный русак, правда, уверенный в том, что он собака. И за свою веру он готов был сражаться до последней капли заячьей крови.

А уверенность эту ему внушил

«Саксофон». И было это так. Генка с детства мечтал о собаке. Спал и видел. Но Тамара Павловна, женщина трезвомыслящая и энергичная, снам не верила.

– Ежели я его папашу-подлеца во сне чуть не каждую ночь вижу, чтоб ему пусто было, это еще не значит, что я от него хоть десятку видела! – говорила она.

«Саксофон», ни разу не видевший отца даже во сне, снам верил и не уставал канючить.

– Хочу собаку, купи собаку, хочу собаку, купи собаку... – и так до бесконечности.

– Чистый саксофон! – возмущалась Тамара Павловна.

Оттуда и пошло.

Заяц появился гораздо позже. Это было затравленное, искалеченное существо. Каким образом он оказался посреди людного двора, остается загадкой, но впервые Генка увидел своего зайца именно на том самом месте, где сейчас демонстрировал знаменитый прием «урамаваши в голову».

Заяц дрожал мелкой дрожью, но тем не менее, когда Генка протянул к нему руку, отважно цапнул его за палец.

«Саксофон» углядел в этом симптом высшего героизма и тут же взял беднягу под свою грозную защиту. Отныне никто безнаказанно не мог обидеть Генкиного подопечного. Но, как оказалось впоследствии, отчаянный заяц не очень-то нуждался в чьей-то опеке...

Под влиянием «Саксофона» он свел близкое знакомство с окрестными псами и, переняв у них все их бойцовские повадки, с полным правом стал считать себя одним из них. Настырный Генка с восторгом разделял его заблуждение. Более того, раздобыв где-то потрепанный учебник, он принялся воспитывать нового друга по всем правилам служебного собаководства. Отважный заяц делал головокружительные успехи.

Такова была эта пара.

Ежедневно чуть свет

«Саксофон» занимался своими возмутительными прыжками под бдительной охраной собако-зайца. Трехнедельный грозовой перерыв, принесший отдохновение жильцам дома, сказался и на Генке. Сегодня он умаялся раньше обычного. И поэтому решил для разнообразия погонять зайца. По-прежнему, не обращая внимания на Валерку и Юрку,

«Саксофон» подобрал банку, которую они прифутболили. Банка была горячей. Генка удивился, но вида не подал. Он размахнулся и метнул банку изо всех сил. Банка описала замысловатую кривую и, как при замедленной съемке, плавно опустилась в углу двора.

– Апорт, Чингизхан! – скомандовал Генка.

Заяц сорвался с места, и, прихрамывая, бросился за добычей. При своем природном косоглазии русак был хром и крив. За что поначалу и схлопотал свое печально известное прозвище. В дальнейшем он оправдал его полностью.

Не добежав до банки нескольких метров, заяц остановился и жалобно завыл. Во всех его движениях скользила неуверенность и тоска. Какое-то время он топтался на месте, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад. И только суровый Генкин окрик:

«Апорт, Чингизхан, апорт!» – в котором звучал упрек, кинул его вперед.

Схватив зубами странную банку, длинноухий тезка основоположника татаро-монгольского ига длинными скачками вознесся к себе на третий этаж.

Глава 6. Единственная возможность

*Аборигены – (лат. aborigine – от начала) – коренные обитатели.
Слово «оригинальный» от того же корня.
Толковый словарь*

«Первый контакт всегда непредсказуем» – гласит первая мудрость Звездного устава. Далее перечисляются меры по быстрой ликвидации возникшей опасности.

В данном случае опасность ликвидировалась сама собой. А вместе с ней исчез и корабль. Урх и Лисс стояли посреди огромной чужой планеты, одним ударом лишенные всего. Вдруг, чего с ними за долгие годы блуждания в Космосе не случилось ни разу, они почувствовали себя крохотными и беспомощными. Со всех сторон этого минуту назад такого ласкового и восхитительно-безопасного мира на них надвинулась безысходность.

Ничего не изменилось вокруг: растительность, примятая аборигенами, распрямилась и тихо покачивалась над ними. Тишина нарушалась лишь журчанием серебристой жидкости. В их рецепторы не поступило ни одного сигнала о какой-либо опасности извне... И только корабль исчез. Не осталось даже следа на почве. Как-будто его и не было. И только тут Урх и Лисс поняли, что он для них значил.

Они по-прежнему стояли в позе Первого Приветствия и пытались осознать всю глубину постигшей их катастрофы. Заметив это, Урх истерически зажурчал и забулькал.

– Не вижу ничего веселого! – осадил его Лисс.

– Такого и в Звездном уставе нет, хотя в нем есть все.

– Ты же вводил размерный коэффициент! – вдруг спохватился Урх. – Я же сам его просчитывал!

– Вводил! – согласился Лисс.

– Как же это произошло?

Оба задумались.

– Точка отсчета! – вдруг понял Урх.

– Правильно! – согласился Лисс.

– Мы подставляли общепринятые параметры и перемудрили с графиком подобности.

– Стало быть, – горько усмехнулся Урх, – наша ситуация полностью подпадает под первую мудрость Звездного устава...

– «Первый контакт всегда непредсказуем!» – процитировал Лисс.

И это доказательство непогрешимости великого документа тут же успокоило обоих. В уставе, который они, как и положено каждому Контактору, знали наизусть, были предусмотрены всевозможные варианты, значит, осталось только правильно отобрать необходимую мудрость и использовать ее на практике.

Они, каждый со своей стороны, проанализировали ситуацию. Исходные выводы были неутешительны, конечный результат от них отличался ненамного. Как не крути, а возможность была единственная.

– С миру по клочку, голому на харташ... – вздохнул Урх.

– С паршивого перша хоть траста клоч... – подтвердил Лисс.

– Но я не ручаюсь за точность фиксации... – предупредил Урх. – Непродолжительность контакта...

– Ладно, знаю... – Лисс задумался. – Меня другое волнует: энергия...

Вопрос об энергии сразу поставил Урху в тупик. Универсальный преобразователь остался на корабле. Дозаправка без него от естественного источника невозможна. Хватит ли энергии на трансформативный переход? В любом случае следовало заранее предвидеть все

случайности, а для этого, в первую очередь, требовался источник переработанной энергии. Существует ли такой? И в пределах ли достижимого расстояния? Все эти вопросы возникали один за другим, выводя из равновесия рецепторные узлы, потребляя в повышенном режиме такую дорогую сейчас энергию.

– Стоп! – скомандовал Лисс. – Другого выхода нет. Весь потенциал передаю тебе. Свободный поиск в максимально достижимом радиусе. И без энергии не возвращаться!

– Есть, командир! – Урх вытянулся.

И тут же почувствовал укол. Лисс одним толчком передал энергию и, отключив себя от системы, застыл неподвижно. Урха тряхнуло и он тут же ощутил двойное зрение. Обонятельный рецептор, увеличенный вдвое, сразу уловил знакомый запах. Он исходил от толстых полос, которые чернели далеко в голубом небе. Заправка была грубая, не то что непередаваемый букет восходящего светила. Но сейчас было не до гурманства.

Мгновенно, используя последние запасы, Урх очутился на вершине огромной мачты, от которой тянулись черные полосы и, протянув шупны, припал...

Прошло несколько минут, и на тропинке, ведущей к пруду, возникли прямо из ничего две мальчишеские фигуры. Если бы где-нибудь поблизости был кто-то из жильцов дома N 17/25 по Новостроительному переулку, то любой из них безусловно мог бы поклясться, что, возникшие неведь откуда пацаны, это Юрка Соколов и Валерка Ерохин из четвертого подъезда.

Урх же и Лисс, обретя новую форму, чутко прислушивались к себе. Настойчивая мысль сверлила мозг обоих. Тщательно исследовав эту непонятную пока еще мысль, которая, очевидно, переполняла их аналоги настолько, что единственная и сохранилась, а теперь досталась Урху и Лиссу в нагрузку к новой форме. Мысль была странной и короткой. Лисс и Урх в недоумении посмотрели друг на друга и хором произнесли по-русски:

– Бабка Мотря!

Глава 7. Утечка

Граждане! Экономьте электричество!
Плакат

Дверь лифта бесшумно открылась.

– Поехали ко мне, – предложил Юрка.

– А в школу? – нерешительно отозвался Валерка.

– Так еще навалом времени!

– Ладно.

Юрка надавил на клавишу шестнадцатого этажа. Лифт скакнул вверх, потом застыл, потом снова скакнул.

Юрка с Валеркой переглянулись. Лифт задрожал и дальше пополз медленно и со скрипом.

– Чего это с ним? – Юрка еще раз нажал на клавишу с цифрой шестнадцать.

– Электричества не хватает! – сказал Валерка и сам испугался.

Скрипя и подсакивая, лифт наконец, дотянул до шестнадцатого и с трудом раскрылся. Ребята замерли. Дверь Юркиной квартиры была распахнута настежь, по лестничной площадке, как часовой на посту, разгуливал Бульон, а где-то внизу гроыхали шаги бабки Мотри.

– Вниз пошла! – почему-то шепотом сказал Юрка.

– Да! – также шепотом согласился Валерка.

– А лифт вверх не поднимает...

– Ну и что?! – Юрка в отчаянии уставился на друга.

– А то! – веско сказал тот.

– Аккумулирует?

– Со страшной силой!

– Что же делать? – Юрка совсем растерялся.

– За что же это мне наказание такое?! И откуда она свалилась на наши головы? – Юрка, очевидно, имел ввиду всю семью Карташевых.

– Тс-с!

– Валерка закосил на петуха.

Бульон презрительно глянул на друзей и неторопливо проследовал в лифт. Двери плавно сошлись, и, судя по звуку, кабина тронулась вниз.

– Видал? – завопил Юрка, толкая Валерку в бок.

– Я так и думал! – невозмутимо заявил Валерка.

– Что думал? – спросил Юрка и тут же понял что. – Не может быть!

– Точно!

– И он тоже?

– А как же!

– Но почему именно петух? – недоумевал Юрка.

– А какая разница? – авторитетно заявил Валерка. – Мог бы быть и попугаем, мог и собакой! Но для бабки Мотри петух достовернее!

– Вообще-то, да! – согласился Юрка.

– Слушай, вновь зашептал Валерка, – ты раньше что-нибудь об этом петухе слышал? Может мама что-то рассказывала?

Юрка отрицательно помотал головой.

– Нет!

– Ну вот, значит, петух прибыл недавно! – сделал вывод Валерка. – С проверкой... – значительно добавил он.

– С чем? С чем?! – Юрка обалдел.

– С проверкой! Неужели не ясно? – Валерка сделал паузу.

– Бабка Мотря – агент инопланетян, а петух...

– Что петух? – взвыл Юрка.

– А петух – резидент-инспектор! – выпалил Валерка.

В это время за их спинами что-то заурчало. Запуганные ребята вздрогнули. Но это бесшумно вернулся лифт и гостеприимно распахнул двери. Юрка осторожно заглянул в кабину – там никого не оказалось.

– Знаешь, Юрка, – нерешительно сказал Валерка, – я лучше домой поеду. А то еще в школу опоздаю.

– А я как же?! – чуть не плача, спросил Юрка.

– Делай вид, что ничего не произошло... – посоветовал Валерка. – А лучше всего, пока их нет, – хватай портфель и бегом в школу. Там с ребятами посоветуемся, знаешь, две головы хорошо...

Юрка ощупал свою.

Теперь он был уже не так уверен, что на него никто не влияет. Какие-то странные мысли копошились и вспыхивали в мозгу. Он почему-то вспомнил, что Генкин хулиганский заяц объявился в тот же день, что и бабка Мотря с петухом-резидентом.

– Окружили! – безнадежно подумал он.

– Ну, я поехал... – сказал Валерка. – Я тебя внизу подожду.

– А может лучше пешком? – предложил Юрка.

Но встреча с бабушкой Мотрей Валерке мало улыбалась, поэтому он, покачивая головой, осторожно попятился в лифт и быстро нажал клавишу четырнадцатого.

Двери заерзали и как бы нехотя закрылись, лифт зарычал, удаляясь.

Юрка остался один. Он с опаской посмотрел на распахнутую дверь собственной квартиры и почувствовал себя как наш контрразведчик на пороге их шпионского центра. Юрка выпятил подбородок, прищурил глаза и, стараясь ступать бесшумно, прокрался в прихожую, затем чуть ли не ползком к себе в комнату. Если бы его в этот момент спросили, к чему все эти манипуляции, он вряд ли сумел бы ответить. Но в ту минуту они казались ему вполне естественными.

Лихорадочно побросав учебники в ранец, Юрка тем же манером выскользнул из квартиры. Когда он крался через прихожую, внезапно в ванной оборвалось жужжание электробритвы, и голос отца спросил:

– Ирина, что случилось с электричеством?

– Не знаю! – откликнулась мать. – Сейчас посмотрю пробки.

Юрка не стал ждать дальнейшего и в тот же момент оказался этажом ниже. Тут он нажал кнопку вызова лифта. Кнопка не загорелась.

– Все! – подумал Юрка и бросился вниз.

В подъезде он задержался и осторожно выглянул во двор. Ни бабки Мотри, ни Бульона нигде видно не было. Но и Валерка отсутствовал.

– Сам дорогу найдет! – решил Юрка. – Чего мне тут маячить, того и гляди эти вернутся. Нааккумуляированные... – он нырнул в арку и припустил к подземному переходу.

...В переходе былолюдно и чувствовалось какое-то нездоровое оживление.

– С ума сойти! – громко возмущался толстяк с длинными волосами, аккуратно зачесанными вокруг загорелой лысины. – То тебе грозы месяц подряд, то метро не работает...

– Электричество кончилось! – объявил молодой милиционер. – Говорят, утечка большая на линии.

– Вот у нас тоже в доме один, – вмешалась бойкая старушка, продававшая в переходе раннюю редиску, – жучок в пробку навинтил, чтобы денег за энергию не платить, так его целая комиссия разоблачать пришла, а как разоблачила ворюгу, так свет ему и отключили, он теперь со свечкой живет, как при царском режиме...

– При чем тут ваш сосед, – заволновался толстяк, – кто ж у метро энергию воровать станет?

– Плохо ты этих голубчиков знаешь, – пропела бойкая старуха, – они на все способные, у дитяти малого скрадут, не подавятся!

У Юрки ноги стали ватными. С трудом двигаясь в галдящей толпе, он ничего уже больше не слышал: в висках стучали молоточки, а в мозгу, как на заигранной пластинке, без конца повторялось: «у дитяти малого» и «они на все способные».

Он и не помнил, как добрался до школы и присел на крыльце перед закрытой дверью.

Глава 8. Точка отсчета

Идентификация – установление тождества объекта или личности по совокупности общих или частных признаков
Толковый словарь

Наличие в остаточной памяти аборигенов, причем у обоих сразу и с одинаковой интенсивностью, такого прочно зафиксированного фактора сразу заинтересовало Урха и Лисса. Им тут же стало ясно, что для успешного разрешения проблемы контакта, ставшего теперь уже необходимым в силу того, что без корабля ни дальнейшее пребывание на планете, ни отлет с нее немислимы, следует немедленно идентифицировать этот фактор с объектом.

В случае удачи это значительно облегчит взаимопонимание двух Разумов и послужит точкой отсчета в последующих взаимоотношениях.

Пользуясь биотоками, зафиксированными в момент столкновения, Урх попытался воссоздать зрительный образ. Изображение замелькало с такой быстротой, что у разведчиков закружились головы. Кто бы мог предположить, что эти несколько звуков чужого языка «бабка Мотря» означают столько понятий, а так же связанных с ними событий и вызванных чувств? Кроме всего прочего, из этого многообразия просто невозможно было выкристаллизовать главное.

Сумбур не поддавался фиксации.

Не получив желаемых результатов путем переработки имеющихся данных, Лисс решил подойти к проблеме с другого конца. Он лихорадочно занялся визуальным накоплением информации: по сравнительной шкале уровня интеллектов внес предполагаемые параметры и попробовал осознать окружающее с точки зрения аборигена.

Он тут же почувствовал радость от того, что вот наконец-то за столько времени выглянуло дневное светило, что можно смело нижними конечностями бежать по просыхающему верхнему слою планеты, дышать полной грудью во всю силу дыхательной системы... Все же во всех ощущениях присутствовала некоторая деформация, преодоление языкового барьера шло скачкообразно – сказывалась краткосрочность доконтактного периода.

Через некоторое время Лисс подключился к Урху. У того дела шли из рук вон плохо. Образы теснились, как льдины в ледоход, налезали один на другой, приобретая чудовищные формы.

– Такое, пожалуй, не снилось ни одному человеку! – подумал Лисс.

– Одному снилось! – возразил Урх. – И даже двум...

И с этим приходилось считаться. Урх был прав. Пока им не удастся овладеть тайной этого словосочетания, каждый компонент которого сам по себе не нес никакой загадки: первый обозначал возрастной период женской особи, второй – краткую форму имени собственного «Матрена», присущего той же особи...

Но вместе!

Этому ни Урх, ни Лисс никак не могли подобрать аналогов ни в одном из Разумов, с которыми им довелось столкнуться за долгие годы службы в Галактическом центре.

Эх, если бы они были на корабле!..

И вдруг они одновременно увидели свой корабль. Урх и Лисс переглянулись. Это, конечно, могло бы быть наложением их биотоков, заблокировать которые полностью при данных условиях не представлялось возможным, однако, несмотря на стрессовую ситуацию, их представление о корабле не могло претерпеть столь существенных изменений.

Пожалуй, от корабля осталась лишь форма. Внутри же царил хаос: какие-то неизвестные приборы загромождали все пространство, обзорные экраны были в три раза больше, чем тре-

бовалось, анализатор отсутствовал – словом, такое никак не могло прийти в голову ни одному из них, а значит...

Значило это только одно: похищение корабля не было случайным!

Урх и Лисс напрягли все силы, увеличив потребление энергии до предела возможного, стараясь добиться максимальной четкости образа, и вдруг увидели внутри корабля странное существо о двух конечностях, покрытое рыжей мягкой оболочкой, заканчивающейся сзади взъерошенной разноцветной дугой. Существо острым отростком, загнутым на конце, помещавшемся у него в передней части головы, долбило по клавишам и кнопкам неизвестных приборов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.